

ТВОРЧЕСКИЙ ДАР ОБЩЕНИЯ АНДРЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА БРУШЛИНСКОГО

Мне бы хотелось написать о том, что творчество Андрея Владимировича Брушлинского включало в себя не только область собственно научную, но и затрагивало сферу межличностного общения. Взаимодействие с людьми составляло немаловажный компонент его творчества. Утверждаю это на основе своего личного опыта, ибо именно в этом Андрей Владимирович оказал влияние на мое профессиональное становление как психолога, и не только мое.

Впервые мы встретились в 1977 г., я тогда был студентом 5-го курса факультета психологии МГУ, а он старшим научным сотрудником ИП АН СССР. Незадолго до нашей встречи у него вышла книга по проблеме природных предпосылок психического развития, которую он мне тогда подарил. Моя позиция как студента кафедры возрастной психологии факультета психологии МГУ была очень далека от его теоретических воззрений. Несмотря на это, с самого начала у нас завязался диалог, оказавшийся для меня очень конструктивным, повлиявшим на мою научную судьбу. С этой первой встречи я понял, что любая теоретико-психологическая концепция развивается в ходе научных дискуссий. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского в этом плане не является исключением, и позитивно-толерантная критика очень важна для ее дальнейшего развития, особенно если она исходит из того, как писал В.С. Соловьев, “зерна истины”, которой эта концепция сильна и которую, возможно, искажает... (именно поэтому она нуждается в критике). Ученые же, осуществляющие такую критику, должны рассматриваться скорее как друзья данной концепции, способствующие ее дальнейшей разработке и усовершенствованию, чем ее непримиримые оппоненты. Поэтому несомненно позитивны усилия А.В. Брушлинского и его вклад в развитие культурно-исторической теории, в частности по вопросам, связанным с проблемой качественной специфики человека, роли биологического и социального в его поведении и психическом развитии. Парадоксально, но он, стойкий последователь С.Л. Рубинштейна, был действительно озабочен тем, насколько успешно развивается культурно-историческая концепция, каковы ее слабые стороны и возможности их преодоления.

Андрею Владимировичу было свойственно не только самое принципиальное отношение к ключевым теоретико-методологическим и конкрет-

но научным вопросам, но и очень серьезное и, одновременно, открытое, непредвзятое, хотя и деликатное, отношение к людям: поэтому каждая беседа с ним была событием. Общение с Брушлинским не было простым, но всегда принципиальным, причем не только честным, но и вежливым: он начинал разговор с определения позиций и в этом был порой довольно резко (хотя и предельно вежлив), но в конце беседы всегда возникало ощущение того, что твоя точка зрения самым серьезным образом принимается, ценится. Это проявлялось и в работе с научными текстами (он был замечательный редактор!), которая у него была филигранной не только на логико-содержательном, но и на личностно-психологическом уровнях. Он по сути дела помогал авторам сформулировать то, что они действительно хотели сказать, не идя на компромиссы, добиться наиболее точного выражения своих мыслей.

Общеизвестно, что Андрей Владимирович был демократичен в непосредственном общении, как живом, так и в телефонном: не признавал автоответчиков, и его традиционное “у телефона” играло определенную психотерапевтическую поддерживающую роль для многих коллег. В своих научных разработках он был далек от проблематики психологической помощи, психотерапии, но, можно сказать, что в своей роли руководителя нашей психологии в сложный переходный период ее развития и в повседневной жизни профессионального сообщества он являлся реальным практическим психологом, причем гуманистически ориентированным. В 1992 г. он писал: “сейчас многие нуждаются в особой психологической помощи, в удалении окисла тоталитарного прошлого, прежде всего нетерпимости, по сути дела не-позитивности”^{*}.

А.В. Брушлинский был антитоталитарен и хорошо понимал что в России наряду с теми проблемами, с которыми сталкиваются профессионалы во всех частях мира, мы имеем дело с трудностями специфически отечественными. Он отражал как в своем творчестве (научном и социальном), так и в личности те стороны отечественной психологии, которые являлись оппозицией тоталитаризму, на протяжении десятилетий практиковав-

^{*} Брушлинский А.В. К читателю. Предисл. к книге Н. Пезешкиана “Торговец и попугай: восточные истории и психотерапия”. – М., 1992. С. 5–8.

шему контроль за сознанием и жестокую манипуляцию советскими людьми, нередкое подавление в них как духовных, так и душевных проявлений. В этом контексте можно утверждать, что “субъектный подход” для него был не только теоретико-методологической схемой, но и являлся живой моделью творчества в общении.

Очевидно, что сама его профессиональная идентичность как психолога была близка к духовному выбору и ценностна по своей природе. Это существенным образом отличалось от позиции многих наших коллег, которые связывают профессионализм прежде всего с добыванием денег, с экономической плоскостью человеческого существования, отчего в реальной жизни российский профессионального психологического сообщества много негативного, нетерпимого, конфликтного, агрессивного. А Андрей Владимирович в любой ситуации непременно хотел выйти не просто на компромиссное разрешение противоречий, но на позитив, таким образом формируя здоровое и творчески ориентированное, толерантное психологическое сообщество.

Понятие “толерантность”, все более активно входящее в научный обиход современной психологии, имеет два значения: “терпимость” и “принятие”. Традиционно (особенно в русской культуре) толерантность рассматривается в негативном контексте – как противоположность нетерпимости, терпимость к различным точкам зрения, несовпадающим с позицией субъекта. За этим, как правило, стоит скрытая, подавленная агрессия, невысказанное несогласие. Истинная же (позитивная) толерантность, в частности, во взаимоотношениях между людьми – это вовсе не терпимость, а искренняя заинтересованность в жизни другого человека, безусловное принятие жизненного выбора, безоценочное принятие его личности, отношение к нему как к самодостаточному и самоценному субъекту. И еще толерантность, в противоположность манипулированию, – это уважение ценностей и смыслов, значимых для другого, заботливая поддержка в “логике его собственных усилий” и, вместе с тем, стимулирование другого принятию на себя ответственности за собственную жизнь и собственное творчество

(в современной гуманистической педагогике это называют “методом естественных следствий”).

Такое отношение к другим людям было присуще А.В.Брушлинскому. При этом он сам всегда шел своим собственным путем, не соглашался ни на какие уступки, противостоя любым формам манипулирования. Чтобы вести себя таким образом, необходимо постоянно жить в ситуации личностного напряжения, не бояться оказаться лицом к лицу с этим напряжением, достойно выдерживать его накал (скорее не терпеть, а принимать его как безусловную экзистенциальную данность). Поэтому так остро ощущаешь сейчас “незавершенность” пространства нашего общения как в содержательном аспекте, так и в просто человеческом. В этой связи с горечью должен отметить, что не только многие отрасли и направления отечественной психологии осиротели без него, осиротели и люди, ибо свойственная его личности и творчеству позитивная толерантность есть по сути дела русская интеллигентность, которая так необходима сейчас нашему бурно разрастающемуся психологическому профессиональному сообществу.

Парадокс человеческой смерти заключается в том, что когда человек умирает, его душа живет в том, что он сделал, и не только в трудах, но и в людях, с ним соприкасавшихся, – в этом и состоит настоящее бессмертие человека! При этом хочется верить, что душа есть не только у индивида, но и у профессионального сообщества тоже. В нашем психологическом сообществе в его современной критической ситуации развития на рубеже веков хранителем этой души, в частности, был Андрей Владимирович, поддерживавший в нем атмосферу скорее доброй (позитивно-толерантной) семьи, а не бизнес-клуба. Поэтому частица его души жива не только в его трудах, но и в учениках, и в учениках его учеников, не только в коллегах, но и в коллегах коллег. Словом, во всех нас.

*А.З. Шапиро,
канд. психол. наук, ст. научный сотрудник
Института дошкольного образования
и семейного воспитания РАО,
Москва*